

Июльской ночью, в полнолуние

Это была вполне благочестивая семья. Супруги каждое воскресенье ходили в храм, часто исповедовались, причащались, почти каждое посещение оставались, чтобы помочь на приходе. Оба были людьми творческими, как сейчас говорят, креативными: она - модельер, он - журналист. Привычка ходить в храм, укоренившаяся в семье после похорон бабушки жены, несколько отделяла их от сообщества друзей, но в их кругу считалась милой извинительной прихотью - вроде ежегодных путешествий на Байкал вместо Пхукета.

В ту пору они переживали одиннадцатый год совместной жизни. Детей у них не было. Как всегда, отпуск супруги проводили на даче, доставшейся от той же умершей бабушки. Здесь они не скучали: прогулки в лесу, купание, чтение книг, припасенных к отпуску, скромные, без фанатизма, занятия дачным хозяйством, общение с соседями - людьми того же уровня и круга, что и они ... Молодая пара черпала лето полными ведрами как тёплую, пахнущую луговыми цветами речную воду. Но ...

Муж, Евстафий, внезапно собрался и уехал в город, обронив на ходу: «Дела». И не объяснил ничего. Жена, которую звали Евлампия, ни в чем его не подозревала, да и повода не было. Он окружал её своим мужским вниманием, как и в первые годы брака. Её красота, живость и свежесть несколько не увяли, хотя и было ей за тридцать. Стройная, с женственной фигурой, Евлампия особенно гордилась обильными пепельными волосами, которые заплетала в косу. Эта коса, переброшенная через плечо и сбегаящая с высокой груди женщины, привлекала массу завистливых женских и восхищенных мужских взглядов. Поклонники у Евлампии не переводились, но она держала их на почтительном расстоянии. После долгих проб и ошибок выстроила себе имидж смиренной мужниной жены. Жила, греясь у судьбы в тёплых ладонях.

И вдруг эти ладони разжались и на женщину повеяло холодом.

Муж, уехав в город, заявил, что останется там на некоторое время. И пусть она не волнуется.

Конечно, эта просьба вызвала обратный эффект. Она металась всю ночь по пустой даче, названивала знакомым - никто ничего не знал и не мог понять. Она сама - тоже. Ведь был июль, жаркий месяц, когда в городе делать было совершенно нечего.

Ночью Евлампия не могла заснуть. Бродила в сорочке по пустому дому и гнала прочь грозные предчувствия. Проходя мимо зеркала - высокое бабушкино трюмо от времени потускнело, да и в полутьме ничего разобрать было нельзя - Евлампия увидела свой тусклый скользкий по поверхности стекла силуэт и остановилась.

Ей вдруг пришло в голову, что она сама, как этот силуэт, может внезапно исчезнуть. Из всего. Из комнаты. Из любовной памяти мужа. Из жизни вообще. Ни друзья, ни соседи её не вспомнят. Мир не задержится на её имени.

Это было так страшно, что у неё перехватило дыхание. Она почувствовала, что летит в бездну, где исчезнет без следа. И пронзительно, как подстреленная птица, закричала в темноте.

Крик перешёл в громкий вой, она выбежала из дома, продралась через изгородь из невысоких кустов - обдало холодной росой - не останавливаясь, сбежала к реке. С размаху плеснула водой себе в лицо. Потом ещё раз, и ещё, пока у неё не вымокла сорочка. Побрела домой. Взяла в шкафу полотенце, замоталась, села на лавочку у входа в дом.

Она привыкла, не задумываясь, лететь сквозь жизнь. А с чем подойдёт к тому рубежу, откуда нет возврата?

Молодая женщина искренне считала себя верующей. Была влюблена в красоту церкви, праздников, богослужений. С наслаждением слушала хор. Ей нравилось мечтать, как её душа после смерти полетит в рай, который ей представлялся благоухающим садом. Жизнь, ей казалось, плавно перейдёт в это ароматное бытие потому, что она постоянно исповедуется, кается в грехах, и наказывать её Богу не за что, и ... Он будет рад ей. Мысль о том, что от неё останется одна душа, а всё, чем она гордится, бесследно исчезнет, беспокоила её время от времени, но она эту мысль отгоняла. А теперь пришло время додумать до конца.

Что она возьмёт с собой?

Внезапно и остро она поняла: земная жизнь и будущее души тесно связаны. Уже потрачено впустую столько драгоценного времени, когда можно было что-то улучшить, кому-то помочь, одним словом - поработать на будущее. А с чего начинать теперь?

Она, как испуганный ребенок, схватилась за предполагаемую возможность разжалобить Неведомого ей Бога, Которого в церкви называли Милосердным. Неведомого, хотя она исправно читала молитвы, готовясь к причастию. Радуюсь про себя, что она такая утонченно-духовная, не то, что её подруги, одержимые манией потребительства. И постилась тоже со сладким, прохладным, как мороженое, ощущением собственного превосходства.

Теперь это уже казалось ей неприглядным, тяжким грехом.

«Боженька, прости, никогда больше не буду», - совсем по-детски попросила она и полезла за тетрадкой, откуда вырывала листы для записи грехов перед исповедью. Сама не зная как, Евлампия успокоилась и принялась внимательно анализировать своё поведение за последнее время. «Ела сыр в пятницу. Вчера ходила раздетая по дому. Поругалась в очереди», - перечисляла она, но кто-то невидимый жестко останавливал: не то! Не то! Надо было найти что-то главное, что лежало в основании её греховности. Как силуэт в одежде - профессионально сформулировала она свою мысль. Найти и вырвать с корнем.

Внезапно озарило: да просто у неё не было любви к Богу! Была любовь к себе. Красивой, умной, талантливой, желанной. Она только и делала, что половину жизненного времени любовалась собственными достоинствами, а

другую - не давала забыть окружающим, что эти достоинства у неё есть. И попробовал бы кто-нибудь забыть!

Каяться, каяться, каяться!.. Но покаяние дома перед зеркалом - совсем не то, что перед аналоем в храме, под строгим взглядом священника. С другой стороны - откладывать не хотелось.

- Господи, прости меня, что я забываю о Тебе, - став на колени, прошептала она первую фразу долгого своего монолога. - Что ленюсь читать утренние и вечерние молитвы, глазею на мужчин в храме, осуждаю немодно одетых женщин, смеюсь над старухами. Всё это потому, что я люблю только одну себя. И мужа не люблю, просто привыкла. Не знаю, чем он живет, чего хочет. Вот, он пропал. А если навсегда?! Не дай, Господи! Прости, прости меня! Я исправлюсь, постараюсь. Только не отнимай его! Не надо!

Она разволновалась, по щекам её потекли слезы. Впервые за долгое время Евлампия не задумалась, как она выглядит со стороны. Долго молилась, плакала, наконец, устала. И заснула прямо на полу, среди своих пепельных волос.

- Эй, почему никто не встречает? - внезапно раздался до боли знакомый голос. Куда это я попал? Прямо не фазенда, а замок Спящей красавицы.

- Стасик! Родненький! Что же ты, я так волновалась, ночи не спала! Что случилось? Отчего не позвонил? Как же так можно? Давай я тебя кормить буду, отошл, бедненький! - частила она, одновременно носясь из комнаты в кухню и наскоро накрывая на стол. Иди, прими душ, а я тут ...

- Да я в реке уже искупался, - весело сообщил он. Ехал, остановился, вышел...

- Что ты! Разве можно? А вдруг...

- Ничего, я машину запер, окунулся - и к тебе.

- Соскучился?

- А как же! Словно толкнул кто-то: «Езжай, не медли».

- Стасик, - она посерьёзнела. А давай ребёнка возьмём, а?

- Это можно. Но дело серьёзное, давай поговорим завтра, ладно? А то устал с дороги. Вообще-то я не возражаю.

- Так что же случилось? - проговорила она, чувствуя, как с неё сваливаются пудовые вериги. (Господи, неужели правда? И Стасик здесь, со мной?)

- Да ничего. Поехал в гараж к Пашке «Мерса» на ноги ставить, а то он захромал.

- Поставил?

- Спрашиваешь!

- А что ж не позвонил?

- Да, как-то, думал - вот-вот освобожусь...

- Мой золотой ...

Полная луна плыла по небу. В приречных кустах защёлкал соловей. Гулко пролаяла собака и умолкла. Дачный посёлок погрузился в сон.

*Марина Васильева
Март 2015*